

Среди фанерных переборок
И дачных скрипов чердака
Я сам себе далек и дорог,
Как музыка издалека.
Давно, сырым и нежным летом,
Когда звенел велосипед,
Жил мальчик — я по всем приметам,
А, впрочем, может быть, и нет.

— Курить нельзя и некрасиво...
Все выше старая крапива
Несет зловещие листы.
Марина, если б знала ты,
Как горестно и терпеливо
Душа искала двойника!

Как музыка издалека,
Лишь сроки осени подходят,
И по участкам жгут листву,
Во мне звенит и колобродит
Второе детство наяву.

Чай, лампа, затеррасный сумрак,
Сверчок за тонкою стеной
Хранили бережный рисунок
Меня, не познанного мной.

С утра, опешивший спросонок,
Покрыв рубашкой худобу,
Под сосны выходил ребенок
И продолжал свою судьбу.
На ветке воробей чирикал —
Господь его благослови!
И было до конца каникул
Сто лет свободы и любви!

М. Т.

Сигареты маленькое пекло.
Тонкий дым разбился об окно.
Сумерки прокручивают бегло
Кроткое вечернее кино.
С улицы вливается в квартиру
Чистая голландская картина —
Воздух пресноводный и сырой,
Зимнее свеченье ниоткуда,
Конькобежцы накануне чуда
Заняты подробною игрой.
Кактусы величественно чахнут.
Время запирается и зевать.
Время чаепития и шахмат,
Кошек из окошек зазывать.
К ночи глуше, к ночи горше звуки —
Лифт гудит, парадное стучит.
Твердая горошина разлуки
В простынях незримая лежит.
Милая, мне больше длиться нечем.
Потому с надеждой, потому
Всем лицом печальным человеческим
В матовой подушке утону.

... Лунатическим током пронизан,
По холодным снастям проводов,
Громкой кровельной жести, карнизам
Выхожу на отчетливый зов.

Синий снег под ногами босыми.
От мороза в груди колотье.
Продвигаюсь на женское имя —
Наилучшее слово мое.

Узнаю сквозь прозрачные веки,
Узнаю тебя, с чем ни сравни.
Есть в долинах великие реки —
Ты проточным просторам сродни.
Огибая за кровлею кровлю,
Я тебя воссоздам из ночей
Вороною бездомною кровью —
От улыбки до лунок ногтей.

Тихо. Половицы воровато
Полоснула лунная фольга.
Вскорости янтарные квадраты
Рухнут на пятнистые снега.
Электричество включают — и снова
Сутолока, город впереди.
Чье-то недослышанное слово
Бродит, не проклянется в груди.
Зеркало проточное померкло.
Тусклое бессмысленное зеркало,
Что, скажи, хоронишь от меня?
Съежилась ночная паутина.
Так на черной крышке пианино
Тает голубая пятерня.

До колючих седин доживу
И тогда извлеку понемножку
Сотню тысяч своих дежавю
Из расколотой глиняной кошки.

Народился и вырос большой,
Зубы резались, голос ломался,
Но зачем-то явился душой
Неприкаянный облик романса.

Для чего-то на оклик ничей
Зазывала бездомная сила
И крутила, крутила, крутила
Черно-белую ленту ночей.

Эта участь — нельзя интересней.
Горе, я ли в твои ворота
Не ломился с юродивой песней,
Полоумною песней у рта!

1973

Я смежу беспокойные теплые веки,
Я уйду ночевать на снегу Кызгыча,
Полуплач-полуимия губами шепча, —
Пусть гремят вертикальные реки.

Через тысячу лет я проснусь поутру,
Я очнусь через тысячу лет, будет тише
Грохот сизой воды. Так иди же, иди же!
Как я спал, как я плакал, я скоро умру!

1973

Есть старый флигель угловатый
В одной неназванной глуши.
В его стенах живут два брата,
Два странных образа души.

Когда в ночной надмирный омут,
Робея, смотримся, как встарь,
Они идут в одну из комнат,
В руке у каждого фонарь.

В янтарных полукружьях света
Тогда в светелке угловой
Видны два женские портрета,
И каждый брат глядит на свой.

Легко в покоях деревенских.
Ответно смотрят на двоих
Два облика, два лика женских,
Две жизни бережных моих.

Будь будущее безымянным.
Будь прошлое светлым-светло.
Все не наскучит братьям странным
Смешное это ремесло.

Но есть и третий в доме том,
Ему не сторожить портрета,
Он запирает старый дом
И в путь берет котомку света.

Путем кибиток и телег
Идет полями и холмами,
Где голубыми зеркалами
Сверкают поймы быстрых рек.

1973

А. Ц.

Как просто все: толпа в буфете,
Пропеллер дрогнет голубой, —
Так больше никогда на свете
Мы не увидимся с тобой.

Я сяду в рейсовый автобус.
Царапнет небо самолет —
И под тобой огромный глобус
Со школьным скрипом поплывет.

Что проку мямлить уверенья,
Божиться гробовой доской!
Мы твердо знаем, рвутся звенья
Кургузой памяти людской.

Но дни листая по порядку
В насущных поисках добра,
Увижу утлую палатку,
Услышу гомон у костра.

Коль на роду тебе дорога
Написана, найди себе
Товарища, пускай с тревогой,
Мой милый, помнит о тебе.

1974

Цыганскому зуду покорны,
Набьем барахлом чемодан.
Однажды сойдем на платформы
Чужих оглушительных стран.

Метельным плутая окольным
Февральским бедовым путем,
Однажды над городом Кельном
Настольные лампы зажжем.

Потянутся дымные ночи —
Good bye, до свиданья, adieu.
Так звери до жизни охочи,
Так люди страшатся ее.

Под старость с баулом туристским
Заеду — тряхну стариной —
С лицом безупречно австрийским,
С турецкой, быть может, женой.

The sights необъятного края:
Байкал, Ленинград и Ташкент,
Тоскливо слова подбирая,
Покажет толковый студент.

Огромная русская суша.
Баул в стариковской руке.
О чем я спрошу свою душу
Тогда, на каком языке?